
Гж. В. Колодко

К ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ

Нам довелось жить в эпоху глобализации. Глобализация – это динамичная система, которая постоянно функционирует, принося как положительные, так и нежелательные результаты. Поэтому, оценивая глобализацию, на нее надо смотреть через призму сальдо этих результатов и их влияния на развитие в длительной перспективе. Если сальдо положительное, если способствует экономически, социально и экологически сбалансированному развитию, тогда стоит встать на сторону глобализации и использовать ее для совместного созидания лучшего будущего.

Насколько творческими под углом зрения хозяйственной динамики могут быть определенные взаимосвязи, иллюстрируют несколько сравнительных оценок. Оказывается, что при тех же самых условиях общий язык способствует росту торговых оборотов на 42%. Они больше на 47%, если страны принадлежат к одному и тому же торговому блоку, на 114% – в случае общей для них валюты, а также, что интересно, – уже на 188%, если у них общее колониальное прошлое¹. И хотя на такие оценки надо смотреть очень сдержанно, они тем не менее весьма красноречивы. Внешняя торговля, международный обмен, экономическая интеграция, координация политики – все это факторы экономической экспансии, факторы роста.

Сравним страны с точки зрения их вовлеченности в глобализацию. Возьмем пример со значительными геополитическими последствиями, скажем двух крупных стран – России и Китая. В 1990 г. Россия – тогда основа распадавшегося Советского Союза – производила в 3 раза больше, чем Китай, а через 20 лет проведения принципов

Гжегож В. Колодко – доктор, профессор, директор Центра трансформации, интеграции и глобализации экономических исследований (TIGER) при Университете Леона Козминьского, член Международного совета журнала «Мир перемен» (г. Варшава).

¹ *Ghemawat P. World 3.0: Global Prosperity and How to Achieve It. Cambridge, Mass.: Harvard Business Review Press. 2011.*

ально разных курсов участия в глобализации результат таков: Китай производит примерно в 5 раз больше, чем Россия. Понятно, что кроме глобализации, были и другие факторы, в частности разные курсы системных реформ, но ее значение ни в коем случае не стоит сбрасывать со счетов.

В мире картина неоднозначна. В течение практически одного поколения интенсивной глобализации ряд «восходящих» стран существенно сократил разрыв между собой и богатой частью мира. Они сумели эффективно воспользоваться благами, которые дает международная торговля, и привлечь иностранный капитал (т.е. сбережения тех, кто живет в других странах) в виде прямых инвестиций, которые в наше время служат главным носителем трансфера современных технологий и повышения качества управления. Но, к сожалению, есть и немалая группа стран, которые не умеют или не в состоянии воспользоваться участием в глобализации в свою пользу.

Во всемирном масштабе баланс глобализации положительный. Легко заметить различие экономической динамики на протяжении четверти века, предвалявшей кризис 2008–2013 гг. Она была более высокой в так называемых восходящих странах. В годы кризиса различия в темпе роста усугубились не в пользу богатых стран.

Процессы региональных интеграций, как и глобализация, необратимы. Углубление идущей уже какое-то время региональной интеграции – самый большой шанс для прогрессивной глобализации, шанс для выхода на длительное, динамичное и в меру сбалансированное социально-экономическое развитие. Это еще одна причина, почему преодоление кризиса, раздирающего Евросоюз, имеет ключевое значение. В нынешней фазе цивилизации Евросоюз не 1/14 и не 1/5 часть света, а гораздо больше. Для того чтобы в других его частях процессы региональной интеграции получали толчок, политическая, культурная и экономическая основа Европы должна доказать, что сможет справиться с нештучными проблемами. И докажет.

Приняв во внимание меньший разрыв между высокоразвитыми экономиками и странами, переживающими постсоциалистическую системную трансформацию, особенно европейскими, мы можем утверждать, что у последних более высокие шансы эмансипироваться, чем у отсталых стран из других частей мира².

Особенно многообещающими выглядят перспективы тех стран, которые интегрируются с развитыми экономиками в рамках Евросоюза. Полная интеграция, проявляющаяся прежде всего в институциональной общности, – это хороший способ исправить недостатки и сократить разрыв в уровнях развития.

² Колодко Г. В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000.

Отсюда следуют определенные выводы для процессов интеграции, которую уже сейчас можно рассматривать как инструмент эмансипации и в других регионах мира – в Латинской Америке, странах Карибского бассейна, в Африке южнее Сахары и Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Южной и Юго-Восточной Азии. Чем больше экономики будут интегрироваться на региональном уровне, тем легче смогут они повысить свою конкурентоспособность и тем выше будет темп их роста, соответственно – уровень социально-экономического развития.

Глобализация есть и останется процессом открытым, продолжающимся так долго, как долго будет жить наша цивилизация. Она не имеет конца и необратима. Однако глобализация показала, что может идти вспять. Ровно 100 лет назад мир чуть не рухнул в бездну. В течение последующих трех поколений прогремели две мировые войны, между которыми вклинились Великий кризис и депрессия 1929–1933 гг., еще одна война – «холодная» – с последующим четким разделением мировой экономики на упоминавшиеся два «мира» плюс «третий», мечущийся между первыми двумя. Это ведь отрицание либерализации и интеграции, а не ее усиление.

Прогрессивный курс глобализации подстерегают многие серьезные опасности. Особого внимания заслуживает сосуществование трех феноменов: глобализации, государства и демократии. Некоторые исследователи говорят просто о парадоксе глобализации³ или о встроенных в нее якобы неразрешимых противоречиях.

Охватывая общемировые явления и процессы, глобализация вместе с тем затрагивает конкретные национальные экономики и государства. Государство же в своей эволюции, как правило, формировалось в национальных структурах или в некоторых случаях – в многонациональных, когда собранные в нем народы умели жить под одной крышей, а точнее – в одних границах. Совсем недавно определенные признаки государственности стали набирать наиболее развитые институционально интеграционные объединения, лучший пример – Евросоюз. Что же касается демократии, этого третьего элемента упомянутой триады, то она функционирует лучше или хуже в рамках национальных государств и продолжает искать для себя формы в межгосударственных договорах. Если же речь идет обо всем мире и всем человечестве, то демократия продолжает оставаться делом будущего. У нас уже есть в значительной степени интегрированное глобальное хозяйство, но мы все еще не созрели до мирового сообщества и не создали для себя планетарного государства.

³ *Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. New York and London: W. W. Norton, 2011.*

Европейский кризис – отличный пример того, как трудно решать экономические проблемы в условиях демократии, выходящей за рамки национального государства и его границы. Как трудно не терять популярность и шансы на переизбрание в собственной стране только потому, что помогаешь другой стране, в которой, несмотря на оказанную ей помощь, на тебя навешивают ужасные эпитеты; как можно одновременно оказаться у себя на родине предателем, а там (за физически невидимой, но психологически и политически существующей границей) кровопийцей.

Нет другого разумного выхода из нынешнего виража истории, кроме как перенести значительную – и при этом постоянно растущую – долю решений на наднациональный уровень, а если получится, то на глобальный. Иначе говоря, политики должны постепенно перестать быть исключительно национальными политиками, а все больше политиками наднациональными и глобальными. Весь разговор можно свести к вопросу: как направлять глобализацию? Не управлять, не править, потому что это невозможно, а именно направлять, т.е. придавать спонтанным экономическим процессам такое направление, чтобы их результаты служили как можно более широкому кругу людей. Для этого абсолютно необходимо глобальное регулирование, субъектом которого должен быть глобальный регулятор или же согласованный фронт действий национальных регуляторов.

Миссия, которую в будущем предстоит выполнить управлению глобальной экономикой, кажется ясной. Мир, человечество, экономика, культура останутся неоднородными, и это следует и понять, и принять. Но нельзя игнорировать и оставить на произвол судьбы исключительно динамичный процесс изменений. Для того чтобы избежать опасных столкновений, его надо направлять. Интеграция – это определенно шанс. Шанс не только для интенсификации регионального сотрудничества в целях развития, но и для совершенствования институциональной и политической координации в общемировом масштабе. Функционирование рядом друг с другом более десятка региональных интеграционных группировок приводит в движение трехступенчатый процесс координации решений. Они принимаются на национальном, региональном и глобальном уровнях. Сначала решения должны быть приняты в рамках национальной экономики. Таких правил и политических решений больше всего, хотя в будущем их количество будет таять и подпитывать два следующих уровня.

Следующие решения вырабатываются для всего интеграционного объединения. Здесь имеет место обратная связь, поскольку, с одной стороны, определенные решения, применяемые в какой-то из стран, могут вдохновить все объединение, а с другой – организация, объединяющая разные государства, требует определенных шагов от всех своих членов. Глобальные положения, в свою очередь, оговариваются между

интеграционными образованиями. Предположим, что существующие региональные образования в институциональном и политическом плане не менее зрелы, чем Евросоюз. В такой ситуации основные вопросы по действующим правилам и желательным нормам и стандартам могли бы быть обговорены в кругу десятка с небольшим региональных партнеров. В известной степени автоматически, после принятия решения властями регионального объединения, они были бы обязательны для исполнения «внизу», т.е. на национальном уровне, как это имеет место в отношении растущего количества дел в ЕС. Но есть здесь и другое направление действий, а именно: создание механизма переноса решений, выработанных на региональных форумах, «вверх», на обязательный для принятия всем миром глобальный уровень.

В будущих механизмах координации институтов и политики принятие решения потребовало бы сначала соответствующих согласований в рамках отдельных интеграционных группировок, а потом – перехода на глобальный уровень «соглашения соглашений». Вместо механизма «все со всеми» – в стиле мало что решающих, затянутых во времени, а порой и бесконечных дебатов ООНовских организаций или Бреттон-Вудских образований (МВФ и ВБ), происходит переход к механизму «интегрированные с интегрированными».

Шанс, заключающийся в постепенном переносе механизмов, координирующих функционирование мирового хозяйства, с межгосударственного уровня на межрегиональный, четко виден в различных сферах экономической деятельности. Примеров хватает: выработка и выполнение норм по выбросу парниковых газов, координация политики в области миграции рабочей силы, защита интеллектуальной собственности.

Такое будущее и возможно, и желательно, но его никак пока нельзя назвать неизбежным. Более того, хватило бы большого институционального кризиса Евросоюза, и желаемое будущее на долгое время стало бы будущим невозможным. Но если ЕС справится с трудностями, то постепенно другие регионы мира будут учиться на его решениях. Потребность использования проверенных образцов другими интеграционными образованиями вызвала к жизни «Варшавскую инициативу». Это было в то время, когда Польша, очень многое получившая от региональной интеграции, осуществляла так называемое президентство в ЕС. Проект сводится к предложению широкой технической помощи в вопросах политики интеграции и развития, особенно для эмансипирующихся экономик⁴. Стоит расширить эту инициативу.

Глобализация имеет далеко идущие последствия для позиции и роли государства в хозяйственной деятельности. Некоторые авторы заходят так далеко, что утверждают: глобализация не может справиться

⁴ Kolodko Grzegorz W. The Warsaw Initiative // Roubini Global Economics. 2011. 9 May.

ся без государства, а вместе с тем не может ужиться с тем же государством. Что же, новый парадокс?

Взлет и падение современного лезеферизма ставит мир перед лицом новой большой проблемы: что будет после того, как неолиберализм скомпрометировал себя? Если поточнее разобраться в сути споров в европейской семье, то ведь это не был спор о паре миллиардов евро – больше или меньше, – а глубокие расхождения по вопросам ценностей. И не столько между национальными государствами, сколько между разными идеологами и группами интересов, которых пытаются защитить отдельные руководители государств и главы правительств, прикрываясь заботой о национальных интересах. И это настораживает, поскольку фактический конфликт групповых интересов может (но не обязан) переродиться в ухудшение международной ситуации во времена, когда не только инструментом политики, но и одной из высших ценностей должно быть сотрудничество над границами.

Современный кризис – это кризис идей и идеологий, крах, казалось бы, незыблемых систем ценностей, что ведет за собой потерю пути и компаса, без которого невозможно путешествовать по изменяющемуся миру. Идеино-культурный кризис будет продолжаться еще долго. Может быть, снова появится какой-нибудь классик, который спросит: За что боремся? Куда идем? Потому что такие вопросы задавать надо, начиная с вопросов важных, таких как цели хозяйственной деятельности в последующие годы, продолжая вопросами большими, такими как направления и способы укрепления региональных интеграционных связей, и завершая вопросами фундаментальными: в каком направлении будет развиваться мир.